Наталья РОСТОВА БЕЗЛЮДНЫЙ РАЙ

Трансгуманизм как путь в никуда

В ЧЁМ СОСТОИТ внутреннее противоречие трансгуманизма? В том, что, апеллируя к идее совершенствования человека, своим предметом он имеет нечеловеческое в человеке. Расширения возможностей, на которые уповают его представители, есть не что иное, как физиологические возможности. Сама по себе идея преодоления человека абсурдна, ибо подразумевает применение предметной логики к тому, что предметом не является. Человека нельзя преодолеть, ибо он не относится к миру наличному. Несмотря на то, что это общее фундаментальное заблуждение трансгуманизма определяет характер его частных инициатив, на них стоит обратить пристальное внимание. Ибо трансгуманизм сегодня превращается в микрокультуру, пронизывающую нашу повседневность. Разнообразие трансгуманистических проектов зиждется на нескольких базовых идеях, а именно: идее эмоциональной изоляции, идее возрастания степеней свободы и идее освобождения от тела.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ

Человек был и есть, прежде всего, страсть. Ошибочно путать её с витализмом. Если это и витализм, то такой, которого не знает природа. Страсть человека существует свободно и вопреки законам мира. "Всё лучшее, что есть у Фрейда, можно найти уже у Платона, остальное — глупости", — говорит устами своего героя Сартр. Что лучшее у Фрейда? Энергия порыва. Что глупости? Низведение того, что греки называли Эросом, к инстинкту. Страсть — не инстинкт. Страсть — это внутреннее самовоспламенение, в котором нуждается всякое что человеческого мира. Человек распят между страстью и автоматизмом. При страсти он при себе. Поверяя себя автоматизму природы, а затем и социума, он безвременно умирает, неприродно исчезая. В кипении страсти рождаются цивилизации. Такую страсть называют пассионарностью. Но всякое человеческое действие вообще человечно лишь тогда, когда его источником является этот огонь. Нет ни одного человеческого движения, в котором не было бы искры этого порыва. Страсть — это не то, что противостоит разуму, но то, что его внутренне согревает, даёт ему жизнь. Трактаты великих рационалистов — плод их страсти, не разменивающейся на житейские мелочи. Равно страсть — это не то, что противостоит вере. Вера обрекает нас быть горячими, а не тепловатыми. Тёплый в вере — мёртвый в ней, равнодушный.

Рисунок в берлинском издании трагедии Гёте «Фауст» 1924 года, художник Франц Штассен

Что делает трансгуманизм? Остужает. Он превращает нас в тепловатых в своей человечности. Под трансгуманизмом мы здесь понимаем не только и не столько манифестации тех, кто от первого лица называет себя трансгуманистами, но любые действия, встраивающие нас сегодня в эту логику охлаждения.

Каким образом трансгуманизм нас охлаждает? Эмоционально изолируя. Упраздняя всякую возможность установления эмоциональных связей в нашем мире. Учреждая зону безразличия и отчуждения — прежде всего, от самих себя. Такие, казалось бы, различные проекты, как ЭКО, ювенальная юстиция, интернет-сообщества, экологическая повестка дня, дистанционные образование и работа, фармакология счастья — меняют режим нашего восприятия.

Что делает ювенальная юстиция? Выдвигая идею защиты прав детей, она отнимает права у родителей, нарушая внутрисемейное пространство, которое, по сути своей, всегда интимно, то есть недоступно для чужих глаз. В семье появляется другой, тот, кто наблюдает, а не тот, кто любит, то есть смотрит извне, а не изнутри, имея при этом полномочия диктовать свою волю, нарушающую эмоциональные довербальные связи. Другой встраивает несоциальное в социальный порядок, рассчитывающим оком объективируя исконно внутреннее, не выворачиваемое вовне без того, чтобы не утратить собственной истины.

Под лозунгами репродуктивного равенства сегодня становятся возможны не только суррогатное материнство (хотя и не во всех странах) и экстракорпоральное оплодотворение, но набирает обороты развитие технологий по вынашиванию ребёнка вне утробы матери. Так называемые биомешки, или искусственные матки, сулят передать проблему рождения детей на аутсорсинг. Биомешки — не то же, что инкубаторы, которые поддерживают жизнедеятельность плода, но идеальная среда для созревания ребёнка, воспринимающая его как ещё не родившийся плод. Лаборатории Австралии и США проводят успешные эксперименты с эмбрионами ягнёнка, выдвигая на первый план терапевтические цели. Впоследствии, по мнению их сотрудников, искусственные матки могут спасти жизни недоношенных детей на самых ранних сроках. Однако истинные цели формулируются новаторами уже в терминах ампутации плода: "Наша система, — говорится в передовой статье, — предлагает любопытную экспериментальную модель для решения фундаментальных вопросов о роли матери и плаценты в развитии плода. Мы добились долгосрочного физиологического поддержания жизни плода, ампутированного от матери, что делает возможным сравнительное изучение вклада плаценты в созревание плода". Иными словами, речь идёт не о терапии, а о технологической замене женщины в процессе вынашивания ребёнка. "Наша система лишает плаценту смысла", — резюмирует специалист из австралийского Фонда исследования женщин и новорождённых. На данный момент помимо законодательных ограничений для реализации проекта искусственной матки с человеческими эмбрионами имеются ограничения технического характера, связанные с порогом жизнеспособности плода, отделённого от матери. Однако вектор экспериментов ясно очерчен — переход от частичного эктогенеза к полному, то есть к вынашиванию ребёнка от зачатия до родов вне материнской утробы. Так называемый эктогенез сулит новые степени свободы и счастье.

"Наша главная цель — приносить людям радость", — объясняют своё дело именитые доктора-чудотворцы. Радость чего? Радость нахождения баланса между семьёй и карьерой, когда женщина может себе позволить отложить рождение детей на неопределённый срок — самая пожилая роженица на сегодняшний день стала матерью в 67 лет; радость выбора пола будущего ребёнка, ведь у каждого есть свои предпочтения; радость "выбраковки аномальных эмбрионов", ведь, согласно такой логике, никто не хочет рисковать. Радость не предоставлять своё тело, ведь можно обойтись и без этого, если речь идёт о суррогатном материнстве или биомешках. Идея репродуктивного равенства реабилитирует запросы не только женщин недетородного возраста и тех, кто нацелен на карьеру, но также мужчин, людей с нетрадиционной ориентацией. Иными словами, на поверхности лежит стремление вывести женщин, мужчин, беременных, представителей ЛГБТ из-под ига социальной и биологической дискриминации, а значит, упразднить природные (половые, возрастные) и социальные различия.

Однако нарочитая коммерциализация взаимосвязей "родители-дети", встраивание их в систему бизнес-планирования и договорных отношений главным образом усугубляется более фундаментальной переменой на антропологическом уровне. Речь идёт об упразднении страсти путём редукции телесных практик, разворачивающихся во времени. Между ребёнком и родителями устанавливается зона непреодолимого безразличия. Зачать ребёнка, выносить его, родить, затем заботиться о нём, вскармливать грудью — это не технический алгоритм, наподобие бухгалтерских операций, которые можно передать на сторону в силу их сопутствующего характера. Почему это нельзя передать на сторону? Потому что всё это не отчуждаемо от события под названием ребёнок, всё это и есть "ребёнок". Ребёнок — это цепь непрерывных переживаний, проживаемых конкретно и не умозрительно, начиная с момента его ожидания. И каждое звено этих переживаний уникально и незаменимо. Кормление материнским молоком — это не физиологический акт, но метафизический. В нём устанавливается довербальная связь, та полнота близости, живым воспоминанием о которой будут дальнейшие отношения с ребёнком. Рождение ребёнка — это не медицинская процедура, но вхождение человека в мир, момент соединения неба и земли, переживание которого ни с чем не может сравниться в жизни женщины. Человек — не духовная сущность, но живая страсть, реализующая себя посредством конкретного тела во времени. Мы любим не вообще, но всем своим существом. Мы переживаем не абстрактно, но всей своей человеческой тотальностью. Если мы хотим отправить письмо, то мы думаем о ком-то, кто присутствует как отсутствие, мы подбираем слова, способные вместить паузы, мы идём на почту, отправляем конверт и ждём ответа. Вся эта длительность, вмещающая амплитуду состояний человека, включая тактильные, визуальные, обонятельные ощущения, и есть письмо. Сегодня нам предлагают воспользоваться электронными сервисами — дешёвыми, надёжными, а главное, — молниеносными. Всё это, несомненно, так. Но эта нечеловеческая скорость и технологичность изымает самое ценное у человека — переживания. Письмо — это не информация. Письмо — это событие. Апология разрыва между половым актом и зачатием, биомешки и прочие подобные репродуктивные технологии, равно как и устройства, проводящие их логику в жизнь, как, например, высокотехнологичные люльки для младенцев, имитирующие объятия матери и ритмы её тела, предлагают отказаться нам от нашего внутреннего опыта. Вместе с "ампутацией плода" и передачей на сторону наших человеческих практик мы ампутируем наш внутренний мир.

Телесные практики редуцируются в виртуальной сфере, в которой протекает наша частная и публичная жизнь в рамках дистанционного образования, дистанционной работы, получения дистанционных услуг, участия в интернет-сообществах. Устанавливаемая дистанция носит не только физический, но вместе с тем метафизический характер. Исчезает опыт взгляда глаза в глаза, то чувство сродного ритма, которое определяет отношения с другим человеком. Невинные эмодзи незаметно уже заменили наш опыт невербального общения. Виртуализация наших практик тотально превращает всякий опыт дословного в знаки, которые обретают самостоятельную от сознания и смысла жизнь. Знаки не переживают, ими оперируют. При помощи знаков мы тщетно хотим пробежать ту бесконечность, которая естественно обживается нами в непосредственном общении.

Принцип эмоциональной изоляции реализует экологическая повестка дня. Нам предлагают устыдиться своей роли варвара в райском мире. Нас приглашают спасать природу, деревню, мир, планету. Как говорил священник о. Иоаким (Салтыков), наш современник, недавно почивший, не нужно спасать природу, нужно спасаться самим. Не нужно спасать деревню, в ней надо жить. Спасаясь сами, мы спасаем и мир. Наш естественный природный мир превращается в парки. На законодательном уровне под видом защиты окружающей среды нам ограничивают прямой доступ к водоёмам, лесам и их богатствам. Вот этот запрет непосредственного и есть сдерживание прямых связей с природой на эмоциональном уровне. Но мы и сами с удовольствием становимся наблюдателями природы, превращая её в знаковое пространство, когда предпочитаем деревне город и дачу, прогулке — виртуальные путешествия, созерцанию — разглядывание приторного фотошопа, опыту странствия "туда, сами не зная куда", который открывает природа, — хождение по указателям.

Фундаментальным опытом эмоциональной самоизоляции, то есть изоляции от самих себя, является фармакологический контроль над эмоциями, их искусственное продуцирование и торможение, что в большей степени распространено сегодня в западном мире. Как свидетельствует Ф. Фукуяма, только по официальной статистике 10% населения Америки принимает "Прозак" и его аналоги, спасающие от депрессии и повышающие самооценку. Аналогичным образом популярен "Риталин", сдерживающий гиперактивность. Но страсть, или эмоция, — это то, причиной чего является сам человек, а не процессы в организме, производные от внешних детерминант. Человек всегда боялся оказаться марионеткой Бога и внешних сил, но отчего-то научный подход гипнотически снимает этот синдром. Трансгуманист Д. Пирс выдвигает утопию конструируемого при помощи генной инженерии и наркотиков рая, лишённого страдания. Но страдание — это не боль, не реакция на аффицирование извне, но то, что поджидает каждого в потаённой комнате его "я". Страдание неминуемо сопутствует встрече с самим собой. Это не сигнал организма, который можно попросту заменить информационным оповещением о состоянии здоровья, о чём мечтает Пирс, но весть человечности.

ВОЗРАСТАНИЕ СТЕПЕНЕЙ СВОБОДЫ

Лейтмотив современных трансгуманистических практик — снятие всех возможных различий, а вместе с этим — апология возрастания степеней свободы. Каких различий? Прежде всего, половых, расовых, возрастных, религиозных, репродуктивных, маркирующих здоровье. Сегодня ты не тот, кем родился, равно как и не носитель некоего габитуса, но тот, кем ты себя чувствуешь. Например, ты можешь быть "белым", но чувствовать себя латиноамериканцем. Быть женщиной, но чувствовать себя мужчиной. Закономерно — быть половозрелым, но объявлять о своём детском самовосприятии. И столь же закономерен обратный тезис об упразднении дискриминации детей — высвобождении их из-под гнёта семейного гетеросексуального воспитания, навязывания ролей и ограничений в сексуальных практиках. Как выражалась С. Файерстоун, детям нужно позволить иметь "столько генитального секса, сколько смогут вынести". В той же логике развиваются программы полового воспитания детей, знакомящие их с различными видами сексуальных практик и гендерных идентичностей.

Дискриминацией объявляется не лишение некой ценности, но, напротив, всякое посягание на установление линий непреодолимого. Иными словами, сама по себе любая ценность дискриминационна по своей сути, но вовсе не её недостижимость. Материнство, например, может быть объявлено ущемлением в правах женщин, ибо помещает их в зависимое положение от мужчин. И тут же отсутствие биологических оснований, чтобы стать матерью, — дискриминацией мужского населения. Равно одновременно — различие "мать", "отец" в социальной сфере — дискриминацией детей, которые живут с "родителями", состоящими в однополом браке. У них, к примеру, "два папы", и они, согласно высвобождающей логике, имеют не меньше прав, чем дети из традиционных семей. Во всех трёх случаях материнство вовлекается в дискриминационную игру, как в модусе наличной характеристики, так и, обратно, в модусе его невозможности. Но речь не о нарушенной логике проповедников свободы, а о том, что цель здесь одна — представить любые границы принципиально ситуативными и пластичными.

Нам предлагают вчувствоваться в мучение тех, кто лишён опыта материнства, способное вызвать поистине сострадательный отклик в душе, если не знать, что исповедь принадлежит трансгендеру: "моя абсолютная печаль, моя абсолютная боль — невозможность стать матерью", — говорит один из них и жалуется на отсутствие "полноценного жизненного опыта": "На данный момент, — продолжает он, — быть трансом — значит жить где-то на 60-70% и мириться с большой утратой". На резонный вопрос собеседника, не стоит ли попробовать испытать себя в качестве отца, мужчина ожидаемо отвечает, что это даже не приходило ему в голову. Почему не приходило в голову? Потому что то, что названо утратой, не что иное, как требование признать в качестве права любое возможное желание. Проблема здесь кроется не в безудержности научных инициатив, пытающихся производить половые клетки из клеток кожи, что сулит установление гендерного равноправия и независимости деторождения от гетеросексуального акта, равно как и не в страдании конкретных людей по тому или иному поводу, а в пропагандируемой идеологии, суть которой сводится к тому, чтобы лишить человеческий мир оснований. Тезис о новых степенях свободы, который обслуживает философия всеобщего комфорта, удовольствия, равноправия, свободы и счастья, — нехитрый эвфемизм, скрывающий идею принципиально подвижной идентичности, человека без оснований. Вводя гендерно-нейтральный язык (в том числе по отношению к Богу), заменяя мать и отца "родителем № 1" и "родителем № 2", рекламируя "каминг-аут" представителей меньшинств, поощряя миграционные потоки и космополитическое мировоззрение, иными словами, лишая человека половой, национальной, возрастной, сексуальной, религиозной идентичностей, мы вместе с тем лишаем его тех антропологических скреп, которыми оформляется и удерживается сознание. Ибо все эти различия по сути своей, прежде всего, не социальные и биологические параметры, но антропологические, то есть работающие на уровне субъективности человека. Сознание — это всегда учреждение линий непреодолимого, абсолютных межей, являющихся внутренней неприродной опорой человека. Способом собой овладеть. Удерживая себя в различиях, человек удерживает себя в сознании. Проповедь тотальной эмансипации человека от природы, нравственности и других способов учредить внутренние табу — не что иное, как проповедь смерти человека, угасания его сознания, встраивания в потоки хаотических состояний, в которых он не принадлежит себе.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ТЕЛА

Известная ещё с античности идея Платона о том, что тело — темница души, определившая католическую традицию, в отличие от православия, для которого душа и тело представляют неразрывное единство, не имеет никакого отношения к трансгуманистической максиме об освобождении человека от оков "биологического носителя", на чём построены проекты кибернетического бессмертия, создания цифровых двойников, передачи мысли на расстоянии. Экстропианец Н. Бостром предлагает нам выскользнуть из ловушки углеродной формы жизни в ходе эволюционного совершенствования, сингуляриане Р. Курцвейл проповедует слияние человека с искусственным интеллектом, апогеем которого станет превращение людей в полностью небиологических существ. Компания Microsoft успела запатентовать технологию создания чат-ботов на основе оцифровки данных умерших людей — их голоса, текстовых сообщений, информации из профилей, фотографий и проч. И. Маск грезит о чипах, которые позволят редуцировать вербальную коммуникацию и напрямую передавать друг другу мысли. Трансгуманисты нам обещают цифровую вечность, телепатическое общение, дистанционное управление состояниями человека (разумеется, ради его блага) посредством оптогенетики и других подобных технологий, оказывающих воздействие на мозг и способных, к примеру, вылечить от депрессии, восстановить утраченные из-за болезни навыки и проч.

Почему подобные трансгуманистические обещания, явно коррелирующие с доминирующей точкой зрения в современных дискуссиях об искусственном интеллекте, не имеют отношения к античной максиме? Потому что они зиждутся на допущении о тождестве человека и его мозга, сознания и активности нейронов, мышления и физиологических сигналов, общения и передачи информации. Проблема состоит не в статусе тела как такового, от которого нас хотят избавить, а в статусе человека. Что именно мы собираемся переносить на небиологический носитель? Что мы подразумеваем под мыслью, когда говорим о её неречевой трансляции? Мысль — это фундаментальный опыт различения, который случается с некоторыми из нас однажды. Этих некоторых мы хорошо знаем, ибо их не так много было за всю историю человечества. Сознание — это то, в чём мы иногда пребываем, когда обращаемся к себе, к своему внутреннему человеку. Трансгуманизм редуцирует человека к потоку алгоритмизируемой информации и именно её тщится освободить от тленного тела. Но сознание — это не то, из чего аккумулируется big data, а мысль — это не сигнал о состоянии тела, который можно оцифровать в код. Мы можем связать компьютер и мозг, но это не даст нам доступа к мысли, ибо ни у компьютера, ни у мозга мыслей нет. Как говорил отец Сергий (Булгаков), мы можем сколь угодно точно изучить работу телеграфных проводов и столбов, но мы ничего не поймём в "сообщениях". То есть в сознании. Чтение мыслей — вовсе не утопический проект будущего, но та реальность, что извечно сопровождает человечество в истории. Она не требует хитрых устройств вроде "электронных кружев". Когда, к примеру, Левин объясняется с Китти при помощи первых букв слов, то он не сообщает ей какой-то новый неведомый смысл, но обнаруживает то, что они оба и так знают. Суть этой сцены из романа "Анна Каренина" состоит в том, что Левин в этот момент обнаруживает решимость явить очевидное в качестве очевидного, то есть сделать предложение возлюбленной. Мы знаем что-то о человеке не потому, что он нам сказал об этом, но потому, что мы пребываем с ним в общем пространстве понимания. В предельном смысле это пространство — культ. Но равно семья или общий ритуал, предполагающий общие правила и общие табу. И вместе с тем мы можем быть как никогда рядом, но обнаруживать не пробегаемую пропасть, даже если у нас общий язык, страна, смартфоны с доступом в интернет и, по всей видимости, в скором времени — устройства наподобие чипов для "чтения мыслей". У мысли нет эквивалентов, способных сделать её передаваемой. Можно причаститься мысли, пребывать в ней, находить в ней соседство с кем-то, кто в ней уже бывал. Сделать её своей, ибо не бывает чужих мыслей. Мысль — это всегда твоя мысль, даже если это мысль Гегеля. Но чтение Гегеля возможно только тогда, когда его мысли делаются твоими. Технически мы можем загрузить тома Гегеля в "облако", но сделать его концепты своими таким образом невозможно. Для этого нужно сознание.

Мысль — это пространство предельной свободы человека, такой явной для людей, покуда мы люди, и такой эфемерной, покуда мы пытаемся её объективировать. А потому страх чипизации движим той же трансгуманистической установкой, которую он отвергает. Наше тело может быть предметом экспериментов, манипуляций, даже попросту чужих ошибок или преступлений. Но, как известно, можно быть свободным и на кресте. Сила слова как вестника сознания такова, что способна отменять непосредственные реакции организма. Чему обнаруживается масса подтверждений, начиная от свидетельств покаянной молитвы, способной излечить тело, и заканчивая результатами научных экспериментов, доказывающих, что слово может воздействовать на изменение состава крови и в целом на биохимические процессы в организме. Не мозг определяет работу сознания, но, напротив, сознание определяет работу организма, заставляя его с собой сообразовываться.

наше завтра
ИЗДАТЕЛЬСТВО
магазин ДЕНЬ
NZAVTRA.RU
ДЕНЬ-МАГАЗИН.РФ
+7 (499) 490-70-48
+7 (499) 350-17-79
НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

Маслов Владимир. ЛГБТ-движение как гегемония. — М.: Наше Завтра, 2021. — 554 с.

Власть всегда является функцией общественного меньшинства, объединённого и сплочённого общими ценностями и целями, каковы бы те ни были. Сегодня к власти на всех уровнях рвётся конгломерат сексуальных или, как принято сейчас говорить, гендерных, меньшинств, олицетворяющих собой "новую нормальность" и помогающих — уже в качестве всё более мощной политической силы — истинным владыкам этого мира избавляться от "избыточного" населения нашей планеты, или, как выражается сам автор, "депопуляционной войне Запада против всего мира", конечно, имея в виду западные "элиты", уничтожающие страны и народы, в том числе собственные.

Комплексно исследуя сущность, истоки и цели ЛГБТ-движения, автор приходит к выводу, что оно, помимо всего прочего, представляет собой универсальное и сверхэффективное оружие "гибридной войны", гарантированно разрушающее любые государственные и другие традиционные общества, — особенно в сочетании с либерал-монетаристской экономикой и политикой "толерантности". Иллюзий на этот счёт, как утверждает Владимир Маслов, питать не стоит. "Население — это главный ресурс государства, если население относительно мало, сократилось до критического уровня или не отвечает вызовам современности, то появляется высокий риск утери суверенности, риски деградации и гибели государства с исчезновением народов, населяющих его", — пишет он. И далее: "Враг выделяет на сокращение российского населения огромные ресурсы… Застой прежних лет обеспечивался только за счёт миграции, в том числе из неславянских стран, а в последние годы Россия ступила на путь депопуляции. С 1990 года численность русских в России сократилась на 10 млн… Сокращается главным образом число русских, население национальных республик растёт или не уменьшается".

Следует сказать, что пессимистические прогнозы автора сбываются, но предложенная им стратегия преодоления демографической катастрофы в России, со ставкой на многодетную семью (что несовместимо с целями ЛГБТ-движения), имеет все шансы на то, чтобы приобрести общенациональный, государственный характер.